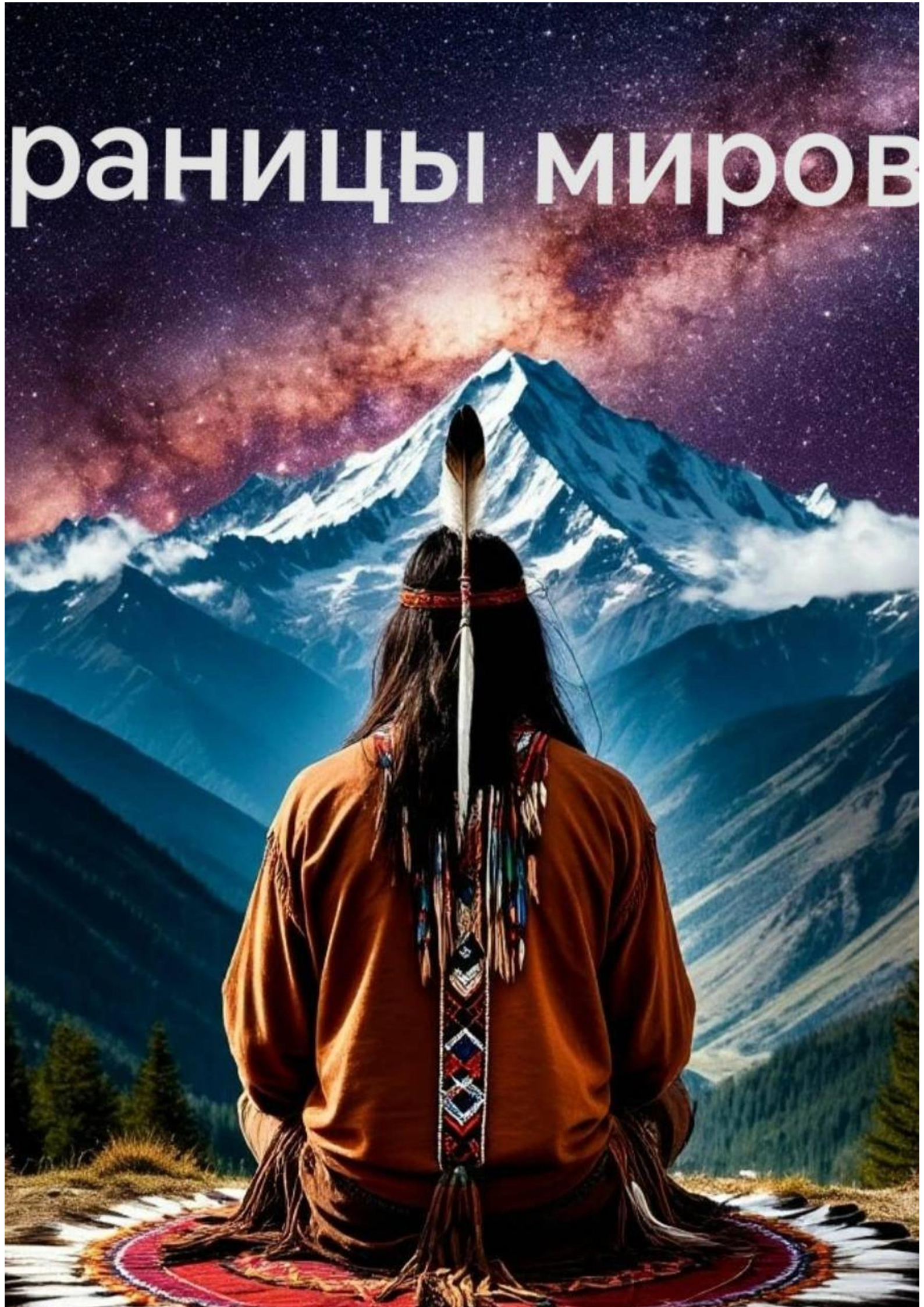

границы миров

Басалыгин (Маркелов)

Границы миров

«Автор»

2026

Басалыгин (Маркелов)

Границы миров / Басалыгин (Маркелов) — «Автор», 2026

Всё начиналось как обычная командировка геологоразведочной экспедиции вахтовым методом. Но грозовой фронт, через который пытался пройти самолет, оказался катастрофой для её участников. Один из выживших, Андрей, оказался на границе миров. Которая встретила его страхом и таинственно сетью. Но, найдёт ли он способ вернуться в свой мир?

© Басалыгин (Маркелов), 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Чужой среди своих	5
Глава 2 Ложное понимание	8
Глава 3. Те, кто ходит по трещинам	10
Глава 4. Чужие привычки, свои идеи	12
Глава 5. Вода и камень	16
Глава 6. Камень, который помнит	18
Глава 7. Камень, который зовёт	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Басалыгин (Маркелов)

Границы миров

Глава 1 Чужой среди своих

«Я жив», — повторял про себя Андрей, чтобы не сойти с ума. Это была единственная мысль, которая держалась, не рассыпаясь. Всё остальное — как будто стёрли. Он помнил, как садился в самолёт, как рядом шутили вахтовики, как стюардесса что-то говорила про ремни. Как она мило улыбнулась ему, когда он сделал что-то не так. А потом — вспышка, грохот, и пустота.

Теперь он лежал на холодном камне, и каждый вдох отдавался болью в рёбрах. Расщелина была узкой, будто сама гора сжала его в своих ладонях. Над головой нависали скалы, а внизу, в глубине ущелья, шумела вода. Звук был таким гулким, что казалось, будто сама земля дышит.

Андрей поднялся, шатаясь, и тут же заметил движение. Из-за выступа показалась девочка. Лет шестнадцати, не больше. Она смотрела на него так, будто увидела призрака. Её пальцы сжимали край одежды, а в глазах читался не просто испуг — это был страх перед чем-то запретным, чем-то, что нельзя трогать и даже называть вслух.

Она тихо позвала, и из тени вышли другие. Люди в одежде, которую Андрей видел только в исторических фильмах: грубые ткани, ремни, украшения из кости и камня. Их лица были спокойны, но в этом спокойствии чувствовалась настороженность. Казалось, что в любой момент они просто кинутся на него и все быстро прекратится.

Андрей открыл рот, чтобы спросить, где он, но слова застряли в горле. Девочка, пристально глядя ему в глаза покачала головой, будто заранее знала, что его слова не будут поняты. И тогда он понял: дело не в языке. Дело в том, что он оказался там, где его не должно быть. В мире, который жил по другим законам. В прошлом. А может и нет. Тогда где?

Один из мужчин — видимо, старейшина, медленно приблизился. Его взгляд скользил по куртке Андрея, по часам на запястье, по всему, что выдавало в нём пришельца. Наконец он остановился в шаге от Андрея и произнёс на чистом русском, но с непривычным, тягучим выговором:

— Ты пришёл не из этого мира. Кто ты есть?

Андрей хотел рассмеяться от нелепости фразы, но не смог. Слишком серьёзными были эти люди. Слишком настоящим — их страх.

— Я... я из самолёта, — пробормотал Андрей, сам слыша, как беспомощно это звучит. — Мы летели в Горно-Алтайск. Вахтовики. Нас было двенадцать.

Старейшина нахмурился, будто пытался разобрать незнакомые слова.

— Самолёт... — протянул он, словно пробуя слово на вкус. — Это птица из железа?

Андрей кивнул, хотя сам уже не верил, что это имеет хоть какой-то смысл.

Девочка, которая первой его заметила, робко шагнула вперёд.

— Его надо отвести к шаманке, — тихо сказала она, не сводя глаз с Андрея. — Она знает про такие вещи.

Старейшина помолчал, потом медленно кивнул. Молча осмотрел стоящих рядом сородичей.

— Пусть будет так. Но пусть он идёт между двумя охотниками. И пусть не делает резких движений.

Двое крепких мужчин встали по бокам от Андрея. Один из них молча протянул ему кусок грубой ткани — видимо, знак того, что сопротивляться бесполезно. Андрей не стал спорить. Молча обхватил тканью свое запястье. Он чувствовал, что любое лишнее слово сейчас может всё испортить.

Путь по горной тропе казался бесконечным. Ветер рвал куртку, камни скользили под ногами, а Андрей всё пытался собрать в кучу обрывки памяти. Вот он в аэропорту, пьёт кофе из пластикового стаканчика. Вот командир экипажа что-то говорит про прогноз погоды. Вот вспышка молнии за иллюминатором...

И тишина.

Когда они наконец вышли на небольшую поляну, окружённую скалами, Андрей увидел жилище шаманки — низкий сруб, дым из щели вместо трубы, связки трав под крышей. У входа сидела старуха с лицом, похожим на кору старого дерева. Её глаза были такими тёмными, что в них не отражался даже свет костра.

Она подняла руку, останавливая процессию.

— Оставьте его здесь, — проговорила она, и голос её звучал так, будто шёл из глубины земли. — Я поговорю с ним.

Мужчины переглянулись, но спорить не стали. Они отступили, оставив Андрея одного перед старухой. Однако настороженно смотрели на него.

Шаманка медленно поднялась и подошла к нему. Она не смотрела ему в глаза — она смотрела сквозь него. Потом протянула руку и коснулась его запястья. Её пальцы были сухими и горячими, как угли.

— Ты принёс с собой запах другого времени, — прошептала она. Андрей хотел возразить, сказать, что это бред, что такого не бывает. Но слова застряли у него в горле. Потому что где-то глубоко внутри он уже знал: она говорит правду.

— А моя команда? — выдавил он. — Вахтовики... Они тоже здесь?

Шаманка помолчала, потом покачала головой.

— Трещина не берёт многих. Она выбирает одного.

Андрей почувствовал, как земля уходит из-под ног. Двенадцать человек. Его друзья, товарищи по вахте, люди, с которыми он делил анекдоты, обеды и долгие разговоры о том, как всё устроено. И теперь он остался один.

— Но я должен вернуться, — сказал он твёрже, чем чувствовал себя на самом деле.

Шаманка посмотрела на него долгим взглядом, как бы раздумывая: отвечать или нет.

- Вернуться можно только туда, где есть дверь. А здесь дверей не строят, их находят. Или они находят тебя.

— В твоём сердце ещё стучит ритм твоего мира. Но здесь этот ритм чужой. Андрей сглотнул.

— Что со мной случилось? — спросил он, стараясь чтобы голос не дрожал. — Я понимаю ваш язык, вы алтайцы?

Она не ответила сразу. Вместо этого достала из складок одежды плоский темный камешек на кожаном шнурке и молча протянула ему.

- Надень. Пока он с тобой, ты будешь понимать наш язык. Но помни: язык – это не только звуки. Это еще и тишина между ними. Ее ты должен научиться понимать сам. Ты прошел сквозь трещину между мирами. Горы не любят пустоты. Но это не подарок, юноша. Это испытание. Ведь понимать слова - мало.

Шаманка чуть склонила голову, будто прислушиваясь к чему-то, чего не слышал никто другой. Она повернулась и пошла к своему жилищу, оставив Андрея стоять на маленькой полянке у края пропасти. Среди чужих гор, чужого неба и чужого времени.

Ветер снова ударил в лицо, и Андрей вдруг понял одну вещь: он больше не практикант – геолог, летящий на вахту. Он человек, который должен найти дорогу назад. Даже если эта дорога ведет сквозь призму самой реальности.

Глава 2 Ложное понимание

Андрей стоял на полянке и все еще слышал в ушах голос старой шаманки:

- Они находят тебя.

Слова звучали как угроза, хотя старуха не повысила голоса ни на полтона.

Он обернулся, будто надеясь увидеть за спиной знакомый силуэт самолета, черную полосу шасси, хотя бы клочок синей обшивки. Но были только скалы, серые, тяжелые, будто вырезанные из ночи. И люди. Они не расходились, а стояли полукругом, не приближаясь, но и не отпуская.

Девочка из расщелины по-прежнему держалась ближе всех. Она не сводила с него глаз, будто боялась, что если моргнет, то он исчезнет. Или превратится во что-то страшное.

Андрей попытался заговорить с ней, подбирая самые простые слова:

- Как тебя зовут?

Она вздрогнула, будто звук его голоса был чем – то острым. И ответила – и тут Андрей впервые понял, насколько обманчиво было его «понимание».

Слова прозвучали знакомо, но смысл ускользал. Он уловил интонацию – в ней была настроенность, почти мольба. И одно слово, похожее на «айла». Имя? Проклятие? Предупреждение?

Он повторил:

- Айла?

Девочка кивнула, сжав губы. В ее взгляде мелькнуло облегчение – он не ошибся.

Но тут заговорил один из охотников. Его фраза прозвучала резко, отрывисто, и Андрей вдруг осознал, что не понимает ни слова. Совсем. То, что казалось русским, рассыпалось на незнакомые звуки.

Холодок резко пробежал по спине. Ведь до этого момента он принимал за данность, что слышит и понимает. Мозг отчаянно цеплялся за привычное, достраивал смысл из обрывков, из интонаций, из жестов. Это было какое-то ложное понимание – как мираж, который кажется водой, пока не протянешь руку.

И теперь мираж растаял.

Охотник повторил, громче. В его голосе было требование. Он указывал на низкий сруб, на дверь, затянутую шкурой.

Айла шагнула вперед, заслоняя Андрея, и заговорила быстро, горячо, будто споря. Ее слова звучали как песня и как заклинание одновременно.

Старейшина, стоявший чуть поодаль, слушал, нахмурившись, и время от времени кивал.

Наконец он поднял руку, и все замолчали.

- Шаманка решит, - произнес он на том самом тягучем русском, который Андрей слышал раньше. И в этот раз язык снова стал понятным. Словно кто-то повернул невидимый рычажок: шум стих, слова обрели форму.

Только теперь Андрей понял: он понимает не всех и не всегда. Понимание приходило и уходило, как ветер, который дует порывами.

Из сруба вышла шаманка. Ее движения были медленными, будто она тянула за собой тяжесть веков. Она остановилась перед Андреем и долго смотрела на него не моргая.

- Твой разум ищет опоры, - сказала она наконец. – Он хочет слышать знакомые звуки там, где их нет. Это опасно. Когда ты думаешь, что понимаешь, ты можешь услышать не то. Принять приказ за совет, а угрозу за приветствие.

Андрей сжал кулаки.

— Значит, я не понимаю ваш язык?

- Ты понимаешь то, что позволяют понять. Горы дают тебе слова, когда им это нужно. Но не доверяй этому дару. Он может обмануть.

Внутри у Андрея все сжалось. Он хотел было спросить, как тогда выжить, как не наделать ошибок. Как найти способ вернуться. Но боялся, что даже вопрос прозвучит неправильно.

Шаманка будто прочитала его мысли.

- Останься здесь. Пусть Айла будет рядом. Она знает, как говорить с теми, кто не слышит все.

Айла снова кивнула, на этот раз тверже. В ее глазах мелькнуло что-то новое – не только страх, но и какая-то решимость.

- Пойдем, - тихо сказала она Андрею, показывая на угол сруба, где лежали шкуры и вязанки хвороста. – Там можно сидеть. Там тихо.

Андрей шагнул следом, чувствуя, как каждый шаг отдается в груди тяжестью непонимания. Он не знал, сколько времени здесь пройдет, прежде чем он снова услышит родную речь. Или прежде, чем поймет, что родного языка здесь вообще нет.

Айла указала ему на шкуры, и он прилег.

Ночью ему снился самолет. Он видел, как тот висит в воздухе, не двигаясь, будто застыл во времени. В иллюминаторах мелькали лица вахтовиков. Они что-то кричали, но Андрей не мог разобрать слов. А потом молния ударила прямо в крыло, и все рассыпалось на искры.

Проснулся он от холода. Над горами висела черная, беззвездная тишина. Айла сидела рядом, обхватив колени, и смотрела в темноту так, будто видела там что-то, чего Андрей разглядеть не мог.

- Они придут, - прошептала девочка, не поворачивая головы.

- Кто? – Андрей сел, вглядываясь в тень между скалами.

- Те, кто ходит по трещинам. Те, кто не принадлежит ни одному времени.

Андрей почесал макушку и хотел было спросить, что она имеет в виду, но тут воздух будто сгустился. Ветер стих. Даже шум реки внизу пропал, как будто кто-то накрыл ущелье ладонью.

И в этой тишине раздался звук – не голос, не крик, а что-то среднее между стоном и шепотом. Звук, который не принадлежал ни людям, ни зверям.

Айла резко встала и потянула Андрея за рукав.

- Внутри, - прошипела она, и в ее голосе не было ни капли сомнения. Она понимала, что сейчас не время для объяснений. Они нырнули в сруб. Шаманка уже стояла у очага, держа в руках пучок сухих пряных трав. Она бросила их в угли, и дым поднялся вверх, закручиваясь в странные узоры.

- Держи это, - она сунула Андрею в руку гладкий, плоский и теплый камень, будто нагретый изнутри. – Пока он у тебя, ты сможешь слышать главное. Но помни: слышать – не значит понимать.

Камень был тяжеловат. Андрей сжал его в кулаке, чувствуя, как тепло медленно растекается по пальцам. Он потрогал свои карманы, ища первый камень, который ему дали. Но, ничего не найдя рассмотрел новый.

Снаружи снова раздался тот же звук. Только ближе.

Шаманка закрыла глаза и заговорила на языке, которого Андрей не знал. Слова лились, как вода, обтекая смысл, но оставляя после себя ощущение древней силы.

А Андрей стоял, сжав камень, и думал только об одном: если это и есть его новая реальность, то она не просто чужая. Она живая. И она не хочет, чтобы он здесь оставался.

Глава 3. Те, кто ходит по трещинам

Андрей сидел на грубых шкурах в углу сруба, прижимая к себе теплый камень, который дала ему шаманка. От камня шло ровное, почти живое тепло – будто внутри тлел крошечный уголек. Андрей то и дело сжимал его в кулаке, как будто это был якорь, удерживающий его в реальности.

Айла сидела напротив, подобрав ноги, и время от времени бросала на него короткие взгляды. В них уже не было прежнего слепого страха – теперь в них сквозило скорее любопытство, немного смешанное с тревогой. Она что-то тихо шептала себе под нос, и слова звучали как заклинание, как привычная молитва перед чем-то опасным.

Снаружи доносились звуки жизни племени: скрип кожаных ремней, стук деревянных молотков, гортанные голоса, переключки, будто птицы предупреждали друг друга о хищнике. Андрей пытался вслушаться, распознать знакомые интонации, но язык снова ускользал, как вода сквозь пальцы. Он понимал отдельные моменты, когда камень в его руке чуть теплел, а потом снова становился просто камнем, и тогда речь превращалась в непонятный гул.

Шаманка сидела у очага, перетирая травы в деревянной ступке. Ее движения были медленными, выверенными, будто каждое касание имело свой тайный смысл. Время от времени она поднимала глаза на Андрея, и в ее взгляде не было ни доброты, ни злобы – только холодная, древняя внимательность, как у скалы, которая столетиями наблюдает за течением реки.

- Расскажи мне про них, - наконец тихо произнес Андрей, кивнув в сторону выхода, туда, где вновь сгушалась ночь. Весь прошедший день, он даже не выходил из сруба, отсыпаясь и кутаясь в шкуры. – Про тех, кто ходит по трещинам.

Шаманка ответила не сразу. Она высыпала перетертые травы в глиняную чашу, добавила воды из кожаного бурдюка и только потом подняла голову.

- Ты спрашиваешь о том, чего боишься больше всего, - проговорила она.

— Это правильно. Бояться нужно не темноты, а того, что в ней шевелится.

Айла вздрогнула и плотнее закуталась в накидку из выделанной кожи. Накидка была сшита из нескольких кусков, скрепленных костяными застежками, и украшена узкими полосками темного меха. По краю шли мелкие костяные бусины, нанизанные на жилы. Они тихо позвякивали при каждом движении, как тихий предупреждающий колокольчик.

- Те, кто ходит по трещинам, продолжила Шаманка, глядя прямо на Андрея, - не принадлежат ни одному времени. Они появляются там, где горы становятся тонкими, где граница между «было», «есть» и «будет» истончается. Понимаешь? Они не люди. И не духи. Они – переходы.

- Переходы?

- Да. Они сами - как двери. Иногда они открывают путь, иногда закрывают его навсегда. Племя знает: если услышишь их голос, нельзя отвечать. Если увидишь их тень – нельзя смотреть. Они питаются вниманием, любопытством, страхом. Чем сильнее ты хочешь понять, кто они. Тем крепче они держатся за тебя.

Айла тихо прошептала:

- В прошлом году охотник ушел за оленем и услышал, как кто-то зовет его по имени. Он обернулся... и с тех пор его никто не видел. Только однажды утром на тропе нашли его мокасин. Внутри был камень, такой же, как у тебя.

Андрей невольно крепче сжал свой камень.

- А этот камень... он защищает?

Шаманка чуть наклонила голову и посмотрела ему в глаза.

- Он не щит. Он – ключ. Он помогает тебе слышать главное, отсекая лишнее. Но если ты сам потянешься к тем, кто ходит по трещинам, никакой камень не спасет.

В этот момент снаружи раздался тот самый звук, который Андрей уже слышал: нечто среднее между стоном и шепотом, будто ветер выл на чужой ноте. Воздух снова, как и прошлой ночью, стал густым и неподвижным. Даже пламя в очаге, казалось, замерло, словно кто-то накрыл его невидимой ладонью.

Айла вскочила и метнулась к выходу, но шаманка резко остановила ее одним движением руки.

- Стой. Не выходи. Не смотри.

Девочка замерла, прижавшись к стене. Ее пальцы впились в край шкуры.

Звук приближался. Он не был громким, но проникал внутрь. Отзывался в груди странным эхом, как будто задевал что-то глубоко внутри. Андрею казалось, что этот звук не снаружи, а в его собственных костях.

Шаманка подошла к двери и медленно натянула поверх входа тяжелую шкуру, закрепленную на деревянных крюках. Потом она взяла пучок сухих трав и бросила их в угли.

- Держи камень крепко, - тихо сказала она Андрею, не оборачиваясь. – И не произноси ни слова. Ни на своем языке, ни на нашем. Молчание – твоя броня.

Андрей закрыл глаза. Он пытался дышать ровно, но сердце колотилось так, что казалось, его слышно снаружи.

И тут звук изменился. Теперь это был не стон, а шепот, и он был обращен прямо к нему. Андрей не понимал слов, но смысл пробивался сквозь кожу, сквозь кости, как холод:

- Ты не отсюда. Ты не должен быть здесь. Отдай то, что принес с собой. Отдай время, которое украл...

Он стиснул зубы, чтобы не закричать, не ответить, не сделать чего нехорошего. Камень в его руке раскалился так, что обжигал ладонь, но Андрей не отпускал его.

Шепот стал тише, потом отдалился, растворился в шуме ветра и далеком рокоте реки. Дым в срубе медленно осел, пламя в очаге снова затрещало, как будто ничего и не было.

Только Айла все еще дрожала, а Шаманка стояла у выхода, прислушиваясь еще некоторое время, прежде чем медленно опустить руку.

- Сегодня они ушли, - проговорила она тихо. Голос ее звучал устало, будто она только что держала на плечах огромный камень. – Но они вернутся. Они всегда возвращаются.

Андрей разжал кулак. На его ладони остался красный отпечаток от камня. Он посмотрел на Айлу, на Шаманку, на этот темный, низкий сруб, пропахший дымом и травами, и впервые по-настоящему осознал: он не просто попал в прошлое. Он попал в мир, где время – это не прямая линия, а лабиринт, полный ловушек. И те, кто ходит по трещинам, знают этот лабиринт лучше всех.

Глава 4. Чужие привычки, свои идеи

Утро в племени начиналось не с крика петуха — его тут и не было, — а с тихого, но неумолимого движения: скрип открываемых дверей, шёпот дыма, который ещё не успел рассеяться над крышами, и первых осторожных шагов по холодной земле. Андрей проснулся от того, что кто-то тронул его за плечо.

Это была Айла. Она присела на корточки рядом с его лежанкой и держала в руках деревянную плоску с чем-то тёплым и густым. Её глаза были уже не такими испуганными, как в расщелине; в них появилась деловитая сосредоточенность, будто она взяла над ним негласное шефство и теперь не могла позволить себе дрожать.

— Ешь, — сказала она тихо, но твёрдо, и кивнула на плоску.

Андрей послушно взял. Еда оказалась пресной лепёшкой, размоченной в тёплом травяном настое. Он чуть поморщился: не хватало соли, не хватало привычного кофе, не хватало вообще всего, что делало утро «его» утром. Но он доел. Не из вежливости, а потому что увидел, как Айла следит за каждым его движением, будто от этого зависело что-то важное.

Когда он вернул ей плоску, она чуть улыбнулась — совсем на мгновение, как будто сама испугалась этой улыбки и поспешила её спрятать. Но Андрей успел заметить. И в этот миг между ними что-то сдвинулось: не стена недоверия, а скорее тяжёлый засов, который наконец поддался.

Айла встала и поманила его за собой.

Они вышли из сруба, и Андрей впервые увидел племя при дневном свете. Женщины сновали между домами, развешивали на жердях выделанные шкуры, толкли что-то в больших деревянных ступках. Дети бегали по тропам, стараясь не путаться под ногами у взрослых, но всё равно путаясь. Охотники проверяли ремни, точили наконечники стрел, тихо переговаривались. Всё было простым, грубым, живым. И от этой простоты Андрею стало одновременно и спокойно, и горько: здесь не было ни экранов, ни рейсов, ни вахт. Здесь была только земля, камень и труд.

Андрей только сейчас по-настоящему разглядел, как одето племя. У охотников были плотные кожаные штаны, подвязанные ремнями из сыромятной кожи, и куртки из толстой замши, прокопчённые дымом и вытертые до мягкости. На груди у многих висели обереги: клыки, когти, гладкие камни с выбитыми символами. У старейшины поверх одежды был наброшен плащ из тёмного войлока, прошитый сухожилиями, а на поясе висел нож с рукоятью из рога.

Женщины носили длинные рубахи из грубой ткани, сотканной из дикого льна и шерсти, подпоясанные плетёными поясами. На ногах у всех были мягкие мокасины из оленьей кожи, прошитые жилами и прокопчённые, чтобы не промокали. В этом мире не было пластика, не было синтетики — всё было сделано из того, что давала земля, лес и горы.

Даже запах здесь был другим: дым, кожа, травы, смола, сырость камня и что-то ещё, едва уловимое, как дыхание самой земли.

Шаманка стояла у дальнего края поляны, возле большого плоского камня, на котором сушили травы. Она не смотрела на Андрея, но, казалось, знала, что он здесь. Когда он подошёл ближе, она подняла голову и сказала без предисловий:

— Ты хочешь быть полезным. Я вижу это по тому, как ты оглядываешься. Ты ищешь, куда приложить руки.

Андрей чуть смутился, но кивнул. Да. Я геолог, правда ещё практикант. Но я многое умею. Могу помочь.

Шаманка хмыкнула, будто слово «геолог» ничего ей не говорило, но смысл она уловила.

— Тогда начни с малого. Помоги Айле собрать хворост. Сегодня будет дождь, и огонь должен быть готов.

Андрей хотел было сказать, что он не мальчик для подсобных работ, но вовремя прикусил язык. Вместо этого он просто пошёл за Айлой.

Собирать хворост оказалось не так просто, как казалось. Ветви цеплялись за куртку, острые сучки царапали руки, а тропа уводила всё дальше в лес, туда, где деревья стояли плотнее и свет становился зелёным, приглушённым. Айла шла впереди, уверенно, почти бесшумно, и время от времени оборачивалась, проверяя, не отстал ли он.

В какой-то момент Андрей споткнулся о корень и едва не упал. Айла тут же оказалась рядом, схватила его за рукав, удержала. И тут же отпрянула, будто обожглась.

— Прости, — пробормотал Андрей, чувствуя себя неуклюжим медведем среди этих тонких, ловких людей.

Айла покачала головой, но не ответила. Вместо этого она показала на землю: вот сухие ветки, вот те, что лучше не брать — они сырые. Вот место, где ветер уже подсушил валежник.

И вдруг Андрей вспомнил.

Не целиком, не ясно, а вспышкой: он стоит на краю карьера, ветер треплет капюшон, а рядом старший геолог показывает ему, как определять влажность породы по звуку удара молотка. Звук был сухим — значит, порода готова. Сырым — значит, ждать.

Он наклонился, поднял сухую ветку и резко щёлкнул ею о камень. Звук вышел чётким, звонким.

Вот так, — сказал он, показывая Айле. — Если звук такой — значит, гореть будет хорошо. Если глухой — лучше не брать.

Айла нахмурилась, не понимая слов, но уловив интонацию. Она взяла другую ветку, постучала так же. Услышала глухой звук и бросила её. Потом посмотрела на Андрея с новым интересом — не как на духа или чужака, а как на человека, который знает что-то полезное.

Они набрали целую охапку, и когда возвращались, Андрей вдруг остановился. Он смотрел на склон, на то, как вода стекает по камням, образуя маленькие ручьи, и как эти ручьи потом теряются в траве.

— Слушай, — он повернулся к Айле, подбирая слова так, чтобы они звучали просто. — Можно сделать так, чтобы вода не размывала тропу. Нужно насыпать камни вот здесь, вдоль ручья, и положить плоские камни поперёк — как ступеньки.

Тогда вода будет течь ровно, а тропа не расползётся.

Айла слушала, склонив голову, будто пыталась поймать не только слова, но и мысль, которая за ними пряталась. Потом она кивнула и пошла вперёд, но уже не так быстро. Теперь она смотрела под ноги, замечая то, чего раньше не замечала: как вода точит камень, как тропа становится скользкой после дождя.

Когда они вернулись, шаманка стояла у очага и мешала что-то в глиняном горшке. Она посмотрела на охапку хвороста, потом на Андрея.

— Ты показал ей, как выбирать дрова? — спросила она, и в её голосе не было ни похвалы, ни упрёка — только констатация.

— Да, — ответил Андрей. — И ещё... я подумал, что можно укрепить тропу. Чтобы вода не размывала её.

Шаманка прищурилась.

- Говори.

Андрей рассказал про камни, про ступеньки, про то, как это делают в других местах. Он говорил осторожно, не навязывая, но и не пряча уверенности. И шаманка слушала, кивая время от времени, будто примеряя его слова к этому месту, к этим горам, к этой земле.

— Завтра пойдём посмотрим, — сказала она наконец. — Ты покажешь.

Андрей почувствовал, как внутри что-то расслабилось. Его не прогнали. Его не сочли опасным. Его просто... допустили.

Ночью снова пришёл шёпот.

Андрей проснулся от того, что камень у него на груди стал горячим. Он лежал, не шевелясь, и слушал, как тишина становится густой, как воздух сжимается вокруг, и как где-то далеко, но в то же время совсем рядом, звучит тот самый голос: «Ты не отсюда. Ты не должен быть здесь...»

На этот раз он не пытался понять слова. Он просто лежал и сжимал камень, чувствуя, как тепло растекается по пальцам, и думал о том, что сегодня он помог. Он не был лишним. Он был нужен.

Дверь приоткрылась, и в проёме показалась Айла. Она не вошла, а просто стояла там, в темноте, и смотрела на него. Потом тихо сказала:

— Не бойся. Я здесь.

У Андрея молнией промелькнула мысль: Айла то понимает меня, то нет, странно...

Эти слова были простыми, но в них было столько тепла, сколько не было во всём этом холодном, чужом мире. Андрей кивнул, не доверяя своему голосу, и Айла закрыла дверь.

А утром шаманка позвала его к старейшинам.

Их было трое, они сидели на плоских камнях у большого очага и молчали, пока Андрей не остановился перед ними. Шаманка встала рядом с ним, не как защитница, а как свидетель.

Этот человек знает вещи, которых мы не знаем, — сказала она спокойно. — Он предлагает укрепить тропу, чтобы вода не размывала землю. Это разумно.

Один из старейшин, седой, с лицом, изрезанным морщинами, как горные тропы, посмотрел на Андрея долго и пристально.

— Покажи, — произнёс он наконец.

Андрей повёл их туда, где стекали ручьи. Он показывал, где насыпать камни, где положить плоские плиты, как сделать так, чтобы вода текла ровно и не разрушала тропу. Старейшины слушали, кивали, иногда перешёптывались между собой.

Когда они закончили, седой старейшина положил руку Андрею на плечо. Это был не дружеский жест, а скорее знак признания: ты сказал своё слово, мы его услышали.

— Пусть будет так, — проговорил он. — Завтра начнём.

Андрей вернулся к срубам, чувствуя странную усталость — не от ходьбы, а от того, как много пришлось объяснять без слов, как много приходилось доказывать просто своим присутствием.

Айла ждала его у двери. Она протянула ему кусок вяленого мяса и улыбнулась — на этот раз не пряча улыбку.

Ты хорошо говорил с ними, — сказала она. — Они редко слушают чужих.

Андрей усмехнулся.

— Я и сам не свой.

Айла чуть нахмурилась, не поняв шутки, но кивнула, будто смысл был не в словах, а в том, что они вообще могли говорить друг с другом.

Вечером, когда над горами повисли тяжёлые тучи, шаманка подошла к Андрею. Она не села рядом, не заговорила сразу.

Просто стояла и смотрела, как угасает огонь.

— Ты вспоминаешь свой мир, — сказала она вдруг. — Я вижу это по твоим глазам. Иногда ты смотришь сквозь нас, будто видишь что-то другое.

Андрей не стал отпираться.

- Да. Кусочки. Фрагменты. Самолёт. Лица вахтовиков. Как мы смеялись перед вылетом. Шаманка кивнула.

- Память — это тоже тропа. Она ведёт туда, куда ты хочешь вернуться. Но будь осторожен: если идти по ней слишком часто, можно забыть, где ты сейчас.

Андрей посмотрел на неё, пытаясь понять, это предупреждение или совет.

— А если я не хочу забывать? — тихо спросил он.

— Тогда найди способ соединить оба мира. Не выбирай между ними. Сделай так, чтобы твой опыт служил здесь, а это место не давало тебе потерять себя.

Андрей задумался. И вдруг понял: он уже начал это делать. Укрепление тропы — это не просто работа. Это мост между тем, кем он был, и тем, кем ему приходится быть.

Над горами прокатился первый раскат грома. Дождь начался тихо, почти незаметно, но быстро стал сильным, тяжёлым, смывающим пыль и усталость.

Андрей стоял у двери, смотрел, как вода стекает по скалам, и думал: завтра они начнут строить. И, может быть, это будет первый шаг не только к тому, чтобы сделать жизнь племени легче, но и к тому, чтобы найти дорогу домой. Или хотя бы понять, что эта дорога вообще существует.

Глава 5. Вода и камень

Дождь шёл всю ночь, и к утру тропа превратилась в скользкую жижу. Андрей стоял на краю размытого склона и смотрел, как вода тащит вниз комья глины и мелкие камни. Он помнил, как на практике старший геолог говорил: «Вода всегда найдёт слабое место. Значит, надо дать ей путь, который нам удобен».

— Надо начать прямо сейчас, — сказал он шаманке, которая подошла бесшумно, как тень между скал. — Пока земля мокрая, видно, где сильнее течёт.

Шаманка кивнула, не споря.

— Пусть будет так. Возьми тех, кто послушается. Даже если это будет один человек.

Этим человеком оказалась Айла. Она пришла с кожаной сумкой через плечо, в накидке, плотно запахнутой от сырости, и посмотрела на размытую тропу так, будто та лично её обидела.

— Сегодня не пойдём далеко, — сказал Андрей, стараясь говорить просто, без лишних слов. — Сначала сделаем, чтобы не скользило.

Они начали с того, что собирали плоские камни вдоль русла ручья. Андрей показывал: вот этот — положить сюда, вот эти три — рядом, чтобы получилась ступенька. Вода будет течь ровно, не размывая землю. Айла кивала, подхватывала его ритм, и вскоре они работали почти молча, понимая друг друга по жестам и коротким словам.

В какой-то момент Айла остановилась, стёрла тыльной стороной ладони капли дождя со лба и вдруг, не глядя на Андрея, сбросила накидку, положила её на сухой камень и начала растёгивать костяные застёжки на одежде.

Андрей замер. Он хотел отвернуться, хотел дать ей хоть каплю привычного ему стыда, но не успел. Айла шагнула в ручей, прямо в одежде, и вода тут же потянула ткань вниз, сделала её тёмной и тяжёлой. Потом она стянула мокрую рубаху, бросила её на камень и осталась в тонкой нижней одежде, которая облепила плечи и спину.

Она не смотрела на Андрея. Не потому что не замечала, а потому что в её мире здесь не было ничего особенного: ручей был частью дня, как сбор хвороста или сушка трав. Холодная вода, сбивающая усталость, была просто необходимостью.

Айла окунулась с головой, вынырнула, тряхнула волосами, и капли полетели во все стороны, как осколки света. Потом она набрала в ладони воду и плеснула себе в лицо, будто смывая с себя не только дождь, но и напряжение утра.

Андрей стоял, чувствуя, как внутри что-то замирает не от смущения, а от чужой, спокойной правды: здесь тело не прятали, его не стыдились, оно было таким же естественным, как дыхание. И эта естественность была не дерзкой, а тихой, будничной. А девичье, стройное тело, всегда, во все времена прилепляло взгляды мужчин.

Когда Айла вышла из воды, она не торопилась одеваться. Просто стояла, позволяя ветру подсушить кожу, и смотрела на тропу, на камни, на то, как вода ищет себе дорогу. Потом, будто ничего не случилось, подняла накидку, накинула её на плечи и кивнула Андрею:

— Продолжим.

И они продолжили.

Теперь Андрей укладывал камни, а Айла подтаскивала их, легко, как будто они ничего не весили. Он замечал, как она ставит ногу, как выбирает место, где камень ляжет ровно, и понимал: она знает эти горы лучше, чем он когда-либо сможет. Но он знал про воду и камни что-то своё, то, что пришло из другого мира. И вместе у них получалось.

К полудню они выложили первые пять ступеней. Вода потекла ровно, не размывая тропу, а обтекая камни, как будто сама признала их правоту.

Андрей сел на плоский камень, чтобы перевести дух, и вдруг увидел перед собой кусок вяленого мяса и деревянную плоску с травяным настоем. Айла молча поставила это рядом и села чуть поодаль, не слишком близко, но и не так далеко, как в первые дни.

Он взял мясо, откусил, и вкус был резким, солёным, настоящим.- Спасибо, — пробормотал он. Айла чуть наклонила голову, будто взвешивала слово, потом улыбнулась — совсем просто, без кокетства, как улыбаются, когда день складывается удачно.— Ты делаешь тропу лучше, — сказала она. — Старейшины заметят. Андрей хмыкнул.— Мне не нужно, чтобы они замечали. Мне нужно, чтобы по ней можно было ходить. Айла посмотрела на него внимательно, как будто увидела что-то новое.

- В твоём мире всё по-другому, да? Андрей задумался. В его мире всё было быстрее, громче, дальше. Там тропы заменяли дороги, воду гнали по трубам, а камни дробили взрывами. Но здесь, в этом мокром, холодном ущелье, он вдруг понял: ему не хватает не скорости, а вот этой простоты, когда ты знаешь, что сделал что-то нужное, и видишь, как это работает.— Да, — наконец ответил он. — По-другому. Но кое-что остаётся тем же. Вода всё равно течёт вниз. Камень всё равно твёрдый. Айла кивнула, будто приняла это как объяснение. Когда они вернулись, шаманка встретила их у входа в сруб. Она посмотрела на мокрые волосы Айлы, на грязные руки Андрея, на капли воды, застывшие на камнях, которые они принесли, и ничего не сказала про купание. В её мире это тоже было обычным делом.— Вы сделали первый шаг, — произнесла она вместо этого. — Теперь надо, чтобы он не был последним. Вечером, когда над горами повисла тяжёлая тишина, Андрей сидел у очага и чувствовал, как усталость тянет его вниз, к земле, к этому месту. Он не был здесь своим. Но он уже был и не совсем чужим. Память возвращалась обрывками. То он видел лицо командира экипажа, то слышал смех вахтовика Серёги, который перед вылетом ворчал, что в горах опять будет дождь. Эти вспышки были острыми, как осколки стекла, и он сжимал их в себе, чтобы не забыть, кто он и откуда. Но рядом была Айла, которая чинила костяную застёжку на своей накидке и время от времени поглядывала на него, проверяя, не ушёл ли он снова в ту тишину, где его нет. А потом пришёл шёпот. На этот раз он был ближе. Он не звучал словами, а был как холод, который пробирается под кожу. Андрей почувствовал, как камень на шнурке у него на груди стал горячим, почти обжигающим. Он сжал его в кулаке и посмотрел на шаманку. Она уже стояла у двери, держа в руке пучок сухих трав.— Они чувствуют, когда кто-то слишком сильно держится за свой мир, — тихо сказала она, будто читая его мысли. — Чем ярче твоя память, тем заметнее ты для них. Андрей сглотнул.— Что мне делать?— Не отталкивай этот мир. Но и не отдавай ему себя целиком. Держи равновесие. Айла встала и подошла к нему. Она не сказала ни слова, но её присутствие было тем самым равновесием, о котором говорила шаманка. Простое, тёплое, живое.— Завтра снова пойдём к ручью, — проговорила она. — Тропа ещё не готова. Андрей кивнул.— Пойдём. И в этот момент он понял: чтобы вернуться, ему нужно сначала научиться стоять здесь. Не теряя себя, но и не отвергая этот мир. Потому что трещина, которая его сюда привела, не откроется по приказу. Она откроется, когда будет готова. Или когда он будет готов. Над горами прокатился далёкий раскат грома. Дождь закончился, но воздух остался тяжёлым, насыщенным влагой и предчувствием. Андрей закрыл глаза и услышал не шёпот, а голос Серёги: «Да ладно тебе, Андрюх, это же просто горы. Они старые. Они всё видели». И впервые за эти дни ему стало чуть легче.

Глава 6. Камень, который помнит

Тропа вдоль ручья становилась всё надёжнее. Ступени из плоских камней ложились ровно, вода стекала послушно, не размывая глину, и даже самые осторожные старухи теперь проходили здесь, не цепляясь за склоны. Андрей уже не чувствовал себя неуклюжим: он знал, где скользко, где корень вылез из земли, как лучше поставить ногу, чтобы не сорваться.

Айла работала рядом, молча, но теперь в этом молчании не было настороженности — только совместный ритм. Иногда она показывала ему что-то: вот тут камень лучше повернуть другой стороной, вот здесь положить ещё один, чтобы вода не била в одно место. А он в ответ кивал и делал, как она говорила, потому что она знала эти горы. И она принимала его знания о воде и уклонах, будто это были не чужие выдумки, а просто ещё один способ говорить с землёй.

В тот день дождь не шёл, но небо было низким и серым, как будто горы прижали его к себе. Они дошли до места, где ручей делал резкий поворот и вода ударялась в скалу, выбивая в ней небольшую выемку. Андрей присел на корточки, потрогал камень: он был шершавым, будто его долго тёрло песком и льдом.

— Тут надо ещё пару камней положить, - пробормотал он, скорее себе, чем Айле, - чтобы удар воды смягчить.

Айла присела рядом, наклонила голову, разглядывая скалу так, словно видела её не впервые. Потом вдруг провела ладонью по выемке, по самой середине, и её пальцы на секунду замерли. Брови её поднялись и она ещё раз огляделась.

— Здесь раньше был знак, — тихо сказала она. — Я помню. Когда я была маленькой, бабушка водила меня сюда. Она говорила:

- Не трогай. Этот камень помнит голоса.

Андрей поднял брови.

— Какой знак?

Айла нахмурилась, подбирая слова. Она не любила рассказывать про старое: в племени о таких вещах говорили редко, будто слова могли потревожить то, что лучше оставить в покое.

— Линии. Как будто кто-то провёл по камню когтем. Три линии вниз, потом круг. Бабушка сказала, что это знак тех, кто ходит по трещинам. Что они оставляют такие метки там, где горы становятся тонкими.

У Андрея по спине пробежал холодок, совсем не от сырости. Он осторожно коснулся выемки. Камень был холодным, но под пальцами будто дрожал, едва уловимо, как тонкая струна.

— А что значит «горы становятся тонкими»? — спросил он.

Айла посмотрела на него так, будто он спросил что-то слишком простое и слишком страшное одновременно.

— Это значит, что между временами почти нет стены. Там можно услышать чужой ветер. Или чужой голос. Или можно уйти и не вернуться. Когда я тебя впервые увидела, я испугалась. Думала, что ты...

Андрей хотел спросить ещё, но Айла резко встала и отступила на шаг, будто испугалась собственной откровенности.

— Пойдём лучше соберём камни выше по ручью. Там есть плоские.

Он не стал спорить. Но взгляд его ещё долго возвращался к выемке, к этим невидимым линиям, которые помнила Айла.

Когда они вернулись, шаманка сидела у очага, перебирая сухие травы. Она подняла голову, посмотрела на их мокрые волосы, на налипшую глину, на мокрые камни, которые Андрей принёс, чтобы просушить у огня.

— Вы дошли до поворота ручья, — сказала она не вопросом, а утверждением.

Андрей кивнул.

— Да. Там вода бьёт в скалу. Я хотел укрепить...

— Ты нашёл знак, — перебила его шаманка, и в её голосе не было удивления, только тяжёлая уверенность.

Айла вздрогнула и опустила глаза.

Шаманка медленно встала и подошла к ним.

— Девочка не должна была говорить об этом. Но раз сказала — значит, время пришло.

Она взяла из рук Андрея один из мокрых камней, повертела его в пальцах, будто взвешивая не вес, а память, спрятанную внутри.

— В нашем племени не любят вспоминать про трещины. Потому что память о них — как крючок: зацепишься — и не оторвёшься. Но ты зацепился. И теперь должен услышать то, что не рассказывают у костра.

Айла подняла глаза, в них был испуг, но и любопытство: она сама редко слышала эти слова, даже от шаманки.

— Те, кто ходит по трещинам, — продолжила старуха, глядя прямо на Андрея, — не просто проходят сквозь горы. Они оставляют следы. Знаки. И эти знаки не для красоты. Они как двери, которые можно открыть, если знать как. Или которые открываются сами, когда кто-то из другого времени подходит слишком близко.

Андрей сглотнул.

— То есть... этот знак может открыть путь назад?

Шаманка покачала головой.

— Не так просто. Трещина не открывается по желанию. Она открывается, когда гора этого хочет. Или когда ты становишься для неё... нужным.

— Нужным?

— Да. Иногда трещина забирает, иногда выпускает. Но всегда берёт что-то взамен.

Андрей почувствовал, как внутри всё сжимается. Он вдруг почувствовал, как по телу пробежал озноб.

— Что она берёт?

— Чаще всего — память. Или часть времени. То, из чего ты состоишь.

Айла тихо прошептала:

— Бабушка говорила, что однажды в горах нашли человека. Он был одет не так, как мы. И он всё время повторял одно имя. А когда его спрашивали, откуда он, он только смотрел и плакал. И через три дня он перестал говорить вообще. Будто трещина забрала у него слова.

Андрей вспомнил, как в первые дни он пытался вспомнить лица своих товарищей по вахте, а они ускользали, как тени. И как иногда, закрывая глаза, он видел не самолёт, а только вспышку и пустоту.

— Значит, чем больше я пытаюсь вспомнить свой мир... тем сильнее она тянет из меня что-то?

Шаманка кивнула.

— Да. И чем больше ты привязываешься к этому миру, тем труднее будет уйти. Трещина чувствует равновесие. Если ты будешь тянуть в обе стороны сразу, она разорвёт тебя между ними.

Андрей сел на шкуры, чувствуя, как усталость вдруг стала тяжёлой, почти каменной. Он не хотел терять память о своих товарищах. Но и не хотел стать чужим для этого места, где уже

научился видеть, как вода ищет путь, где рядом была Айла, которая не прятала своего страха, а делила его с ним.

Ночью шёпот пришёл снова.

На этот раз он не был далёким. Он звучал так, будто стоял прямо за стеной, касался щелей между брёвнами, пробирался внутрь вместе с сыростью и холодом. Камень на груди Андрея раскалился, и он сжимал его, пока пальцы не побелели.

Рядом тихо сидела Айла. Она не ушла к себе, не легла спать, а просто сидела, подтянув колени, и смотрела в темноту, как будто могла разглядеть то, что прячется за ней.

— Они близко, — прошептала она, не поворачивая головы. — Сегодня они особенно голодны.

— Почему? — так же тихо спросил Андрей.

— Потому что ты нашёл знак. Они чувствуют, когда кто-то подходит к границе.

Шёпот изменился. Теперь в нём слышалось не просто предупреждение, а вопрос, холодный и острый: «Ты хочешь уйти? Тогда отдай то, что держит тебя здесь. Или отдай то, что тянет назад. Выбери одно. Мы не любим тех, кто тянет в обе стороны».

Андрей стиснул зубы. Он не хотел выбирать. Не хотел терять ни одно, ни другое.

И тут Айла вдруг протянула руку и коснулась его плеча. Просто положила ладонь, без слов, но в этом прикосновении было столько тепла, сколько не было во всём этом холодном ущелье.

— Смотри на меня, — тихо сказала она. — Не на тьму. На меня. Пока я здесь, ты не один. Мы с тобой.

Андрей перевёл взгляд с темноты на её лицо. В свете углей оно было бледным, почти прозрачным, но спокойным. И в этом спокойствии была сила, которую он начал узнавать: сила тех, кто живёт рядом с горами и знает их голос.

Шаманка вышла из тени, держа в руках пучок трав. Она бросила их в угли, и дым поднялся вверх, закручиваясь в спирали, будто пытался связать разорванное пространство.

— Сегодня мы удержим границу, — проговорила она твёрдо, как будто бросала вызов самой тьме.

Шёпот стал тише, потом отдалился, растворился в шуме ветра и далёком рокоте реки. Дым, как и всегда, медленно осел, пламя в очаге снова затрещало, как будто ничего и не было.

Только камень на груди Андрея ещё долго оставался тёплым.

Утром он проснулся от того, что кто-то осторожно тронул его за плечо. Это была Айла. В её глазах уже не было ночной тревоги, только деловитая решимость.

— Пойдём к ручью, — сказала она. — Тропа ещё не готова. И... я покажу тебе ещё одно место. Там тоже есть камень. Он старый. Очень старый.

Андрей кивнул, чувствуя, как внутри медленно просыпается не только усталость, но и странное, острое любопытство. Он не знал, что найдёт на этом новом месте. Но знал: это будет ещё одна ниточка, связывающая его с тайной трещин. И, возможно, с дорогой домой.

Они вышли из сруба. Воздух был свежим, пах мокрой корой и травой. Где-то высоко над ущельем кричала птица, и этот крик звучал как предупреждение и как обещание одновременно.

Андрей шёл рядом с Айлой, смотрел на её уверенные шаги, на то, как она легко читает следы на земле, и думал: чтобы найти путь назад, ему придётся сначала пройти весь этот путь здесь. До самого края трещины. А ещё, он поймал себя на мысли, что Айла хорошенькая. Так, между прочим...

Глава 7. Камень, который зовёт

Тропа вдоль ручья уже не казалась такой чужой. Андрей ступал уверенно, почти как Айла: замечал, где корень вылез из земли, где камень лежит косо и может подвернуть ногу, где вода уже начала подмывать край. Он чувствовал, как этот мир постепенно впускает его — не как гостя, а как того, кто готов нести свою долю тяжести и отве

Айла шла впереди, легко, будто её ноги не касались земли. Иногда она останавливалась, прислушивалась к шуму воды, к крику птицы, к чему-то, чего Андрей пока не умел слышать. Сегодня она была молчаливее обычного, и в этом молчании чувствовалось напряжение -как перед грозой, когда воздух становится густым и тяжёлым.

- Ты знаешь, куда мы идём? — спросил Андрей, когда они свернули с привычной тропы и пошли вверх по склону, туда, где деревья стояли плотнее, а свет становился зелёным и приглушённым.

Айла кивнула, не оборачиваясь.

- К старому камню. Там бабушка собирала синие травы. И там тоже есть знак.

Андрей невольно коснулся камня на шнурке у себя на груди. Тот оставался прохладным — значит, пока всё спокойно. Но предчувствие сжимало грудь, как тугий ремень, и ему было немного страшно.

Они поднялись выше, и ручей здесь стал уже, но злее: он прыгал по камням, разбивался о выступы, кричал на весь лес. Айла остановилась у большого валуна, наполовину ушедшего в землю, и провела ладонью по его поверхности. Камень был тёмным, будто впитал в себя вековую сырость, и на нём, едва заметные под слоем мха, проступали линии.

Андрей наклонился, осторожно стёр мох ладонью. Под ним действительно были знаки: три черты, идущие вниз, круг, а внутри круга — завиток, похожий на след когтя или на вихрь.

Он коснулся их кончиками пальцев — и вдруг перед глазами вспыхнуло не воспоминание, а видение.

Не его жизнь. Чужая.

Он увидел старика в такой же одежде, как у шаманки, только моложе. Тот стоял у этого камня и шептал что-то, держа в руках пучок трав. Ветер рвал его волосы, а над горами висела странная тишина — та самая, которая бывает перед бурей или перед чем-то куда более страшным. Потом старик резко обернулся, будто услышал чей-то зов, шагнул к камню... и растворился в воздухе, как дым, подхваченный ветром.

Видение исчезло так же внезапно, как появилось. Андрей отдернул руку и тяжело выдохнул.

— Что ты видел? — тихо спросила Айла, глядя на него с тревогой.

— Человека. Старика. Он стоял здесь... и пропал.

Айла побледнела.

— Это был мой прадед. Он ушёл так. Никто не знает, куда. Только бабушка говорила, что он хотел закрыть трещину. Хотел, чтобы те, кто ходит по трещинам, больше не приходили.

Андрей сжал кулаки.

— Значит, этот камень... он не просто знак. Он — дверь. И я...

— Да, — прошептала Айла. — И она открывается, когда кто-то касается её с намерением. Или когда она сама этого хочет.

В этот момент из-за деревьев вышел охотник. Высокий, широкоплечий, с лицом, будто высеченным из того же камня, что и горы. Это был Торак — тот самый, который с самого

начала смотрел на Андрея как на что-то чуждое, опасное, как на трещину, которую нельзя трогать.

— Что вы делаете здесь? — его голос звучал сухо, как треск ломаемой ветки.

Айла выпрямилась, стараясь казаться увереннее, чем была.

— Мы ищем способ защитить племя. Андрей знает вещи из другого мира. Он может помочь.

Торак фыркнул, не сводя с Андрея тяжёлого взгляда.

— Он не знает наших законов. Он трогает то, что нельзя трогать. Эти знаки — не игрушки. Они держат границу. А он тянет сюда тьму.

Андрей хотел возразить, но сдержался. Он понимал: слова тут не помогут.

— Я не хочу ничего ломать, — сказал он спокойно.

— Я хочу понять, как удержать границу. Как сделать так, чтобы эти... существа не приходили.

— Ты не можешь этого понять! — рявкнул Торак, шагнув ближе. Его пальцы сжались на рукояти ножа, и в этом жесте не было угрозы ради угрозы — была готовность действовать. Он верил в то, что говорил, и был готов защищать свой мир любой ценой. — Ты чужой. Ты не чувствуешь, как горы дышат. Ты только слышишь свой страх.

Айла встала между ними, не как воин, а как тот, кто пытается удержать двух зверей, готовых броситься друг на друга.

— Остановись, Торак. Он не враг. Он просто хочет помочь.

Охотник прищурился, посмотрел на неё, потом снова на камень, на знаки, на Андрея.

— Если он тронет это снова, — проговорил он медленно, чеканя каждое слово, — я остановлю его. Племя не заплатит за его любопытство своими жизнями.

Торак резко развернулся и ушёл, растворяясь среди деревьев так же бесшумно, как и появился.

Айла опустила плечи, будто с них свалился тяжёлый груз.

— Прости, — тихо сказала она. — Он хороший охотник. Просто он помнит, как много племя потеряло из-за трещин.

Андрей кивнул. Теперь он понимал: для Торака он не просто чужак. Он — риск. И этот риск был слишком велик.

— Пойдём обратно, — сказала Айла, оглядываясь на камень так, будто боялась, что он сейчас заговорит. — Сегодня мы больше ничего не узнаем.

Но Андрей не мог просто уйти. Он снова коснулся знака — лёгким, почти невесомым прикосновением. И снова вспыхнуло видение.

На этот раз он увидел не одного человека, а целую цепочку следов, уходящих в туман. Следы были разными: одни — от мокасин, другие — от ботинок, совсем непохожих на то, что носили в племени. И среди них мелькнуло что-то знакомое: тень куртки, похожей на его собственную.

Видение оборвалось, оставив после себя странное чувство: будто он только что заглянул в лабиринт, где время шло не вперёд, а кругами.

Когда они вернулись в селение, шаманка уже ждала их у очага. Она не спрашивала, где они были и что видели. Она просто смотрела на Андрея, и в её взгляде читалось: «Ты подошёл слишком близко».

— Торак был прав в одном, — проговорила она, когда Айла ушла отнести собранные травы. — Границу нельзя трогать без нужды. Но ты уже тронул её. И теперь она трогает тебя.

Андрей сел на шкуры, чувствуя, как усталость наваливается на плечи.

— Я видел следы. Разные. Будто люди из разных времён ходили по этим горам. И среди них... были такие, как у меня.

Шаманка кивнула.

— Трещина не выбирает, кого впустить. Она впускает тех, кто слишком сильно хочет что-то изменить. Или тех, кто слишком сильно держится за свой мир.

— А если я хочу вернуться? — тихо спросил Андрей.

— Тогда тебе придётся найти не дверь, а равновесие. Ты не сможешь уйти, пока не отдашь что-то этому миру. И не сможешь остаться, пока не отпустишь часть своего прошлого.

Андрей закрыл глаза. Перед ним снова мелькнули лица вахтовиков, смех Серёги, вспышка молнии за иллюминатором. Он цеплялся за эти воспоминания, как за верёвку, которая должна была вытащить его из этого чужого мира. Но теперь он начинал понимать: эта верёвка тянула его вниз. Как же всё здесь запутано.

Ночью шёпот пришёл снова. Но на этот раз он был не снаружи. Он звучал внутри, в груди, в костях, как эхо чужого голоса: «Ты ищешь путь. Но путь ищет тебя. Прикоснись к знаку ещё раз — и ты узнаешь, где граница. Но помни: каждый раз, когда ты смотришь в трещину, она смотрит в тебя».

Камень на груди Андрея раскалился. Он сжал его в кулаке, но не закричал, не позвал на помощь. Он просто сидел и слушал, как этот голос сплетается с шумом дождя и криком далёкой птицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.